

Он почувствовал, как его сердцебиение мгновенно ускорилось до ста шестидесяти ударов в минуту, а руки стали ледяными. В последний раз глубоко вдохнув, он с удивлением для себя самого поднялся на сцену с поразительно спокойной походкой и направился к микрофонной стойке, которая уже стояла там, ожидая его. Зрители в зале, как и было предусмотрено организаторами, надели маски, и с высоты сцены Цюй Хайяо казалось, что его окружают и пристально наблюдают за ним неведомые существа. Из всех сил стараясь контролировать сердце, готовое вот-вот взорваться, он в последний раз глубоко вздохнул, а со всех сторон раздались аплодисменты, полные приветствия и ожидания.

На сцене и в зале царил тьма, а на экранах прямой трансляции и мониторах на сцене появилось название их единственной композиции на этот вечер, написанное на китайском и английском языках:

«Golden Sunlight», Золотой солнечный свет. Цюй Хайяо закрыл глаза, тихо ожидая, когда прозвучит тот самый чарующий звук струн.

Как капля ртути, упавшая на зеркальную поверхность воды, звук классической гитары проник в воздух концертного зала, чудесным образом вернув всех в ту ночь, наполненную опьяняющим ароматом алкоголя. Влажные ноты не могли прыгать в сыром воздухе, лишь катились вниз, словно слёзы.

А пианино, мягко вступившее в игру, стало ступенями, по которым эти слёзы катились. В этот момент на другой стороне сцены зажгётся мягкий свет, и в поле зрения всех присутствующих появилась фигура в белом роскошном костюме, сидящая за пианино.

Жун И поднял взгляд, его ловкие пальцы грациозно танцевали по клавишам, а взгляд устремлялся прямо на Цюй Хайяо. Встретившись с этим острым, словно материальным, но при этом спокойным взглядом, сердце Цюй Хайяо, готовое взлететь до ста восьмидесяти ударов в минуту, чудесным образом успокоилось. В момент, когда их взгляды встретились, казалось, что все зрительские места исчезли, и в этом мире осталась только сцена. А на сцене — только они двое.

Цюй Хайяо медленно приблизил губы к микрофону, его голосовые связки вибрировали, словно крылья бабочки.

— Нечаянно пробитый ореол

Капает холодной кровью

Холодное, темнеющее

Как сон, как беда

Увидев, в панике прячется

Слишком ярко

Спотыкаясь, падая, убегая

Кто чей слабак

Причина и следствие

И ложь

Режиссёр

Обман

Представление

То близко, то далеко

Это блики

Это осколки

Это холодный ветер

Это долгая ночь

Исчезают...

Звук, словно мерцание, исходящий от трещотки, пробудил слушателей из липкого мира грёз. Пальцы Жун И пролетели по клавишам, вызывая арпеджио, которое, достигнув высоких нот, внезапно разбило ранее влажное и опьяняющее пространство, а затем, описав лёгкую дугу, вернулось вниз, выбивая мощные и энергичные удары томов.

Ярко-жёлтый свет, словно солнце, опустился на сцену, и оркестр внезапно усилил звук. Тонкая, но влажная жалобная песня вдруг стала богатой по структуре. Уголки губ Цюй Хайяо изогнулись в уверенной улыбке, он слегка приподнял брови и ловким, энергичным движением сбросил с себя короткий пиджак, открыв ослепительно яркую красную викторианскую рубашку.

— ХА!

С коротким возгласом Цюй Хайяо уверенно снял микрофон со стойки и, словно на скейтборде, стремительно подъехал к пианино Жун И. Одну руку он засунул в карман, а другую, держащую микрофон, небрежно опёр на край пианино. Его стройный и уверенный силуэт запечатлелся в глазах каждого.

Жун И поднял взгляд, их глаза встретились, и оба невольно засмеялись. Даже они сами не знали, над чем смеются, но всё более разгорающаяся атмосфера в этот момент, словно ртуть, разлилась по всей сцене, по всему концертному залу.

— Красный — это красный рассвета, пробивающего тьму

Жар бурлит, пульсирует, оживает

Острие падает

В кипящее сердце

Выплёскивая свободу...

Лёгкая, но энергичная страсть была спета Цюй Хайяо с невероятно живым настроением и отношением. В этот момент он уже не был актёром. Он не играл кого-то, он просто пел себя. Во

время многочисленных репетиций Цюй Хайяо думал только о том, как спеть эту песню лучше, но, оказавшись на сцене, на финале, он вдруг понял, что для него неважно, споёт ли он её хорошо или нет, потому что это его песня, и как бы он её ни пел, она будет невероятно хороша.

Цюй Хайяо пел, не сводя глаз с Жун И, сидящего за пианино. Чувствуя его горячий взгляд, Жун И поднял лицо, слегка наклонил голову и улыбнулся в сторону камеры слева. В один момент его изысканная аристократичность резко превратилась в ослепительную дерзость и дикость.

— Сажая жизнь

Рубя тысячи правил

Побеги роятся

Пронизывая почву

Быстро распространяясь

Пробивая дыры в славе и богатстве...

Это был первый раз, когда Жун И запел в этом выступлении. Обычно он мастерски справлялся с низким и средним диапазонами, и эта фраза была для него уже довольно высокой, но во время репетиций он решительно обсудил с Цэнь Гуаньинем возможность отказаться от привычного грудного голоса и перейти на головной. Раньше Жун И всегда считал, что его голос слишком низкий и хриплый, и головной голос у него не получается, но сейчас, в восприятии Цюй Хайяо, головной голос Жун И, хоть и не был чистым и ярким, из-за усиления носового резонанса приобрёл очаровательную глубину, а каждый финальный звук словно был украшен крючком, идеально очерчивая силуэт, одновременно дерзкий, дикий, элегантный и устойчивый.

— Думал, сорняк

Но расцвёл цветами

Листья и лозы

Шумят, кружатся, летят...

Они разделили партии и начали дуэт. Из-за сценического освещения и их позиций Цюй Хайяо был полностью окутан ярко-жёлтым светом, а Жун И, как и его голос, был лишь очерчен чётким силуэтом света, но Цюй Хайяо не мог оторвать взгляд от Жун И.

В этот момент, на сцене, находясь в центре внимания, под прицелом камер, Цюй Хайяо вдруг вспомнил тот вечер в «Фэндан Жуйя», когда он, пьяный, с шатающимся взглядом, наблюдал за Жун И на хрустальной сцене в толпе. Тогда Жун И был так же ослепителен, как и сейчас, а тот пьяный он сам уже стоял рядом с Жун И, появившись с ним в одном кадре.

Глаза Жун И, подведённые тёмно-золотым макияжем, также смотрели на Цюй Хайяо. Почему-то, несмотря на то что это было в совершенно неподходящей обстановке, несмотря на ослепительный, почти обжигающий свет, Цюй Хайяо вдруг почувствовал, что Жун И полностью уловил его мысли. Электрическое ощущение заставило его душу содрогнуться, и в этот момент он вдруг понял две вещи.

Первое — почему Жун И, покинув группу и музыкальную индустрию так давно, всё ещё испытывал глубокую привязанность к сцене. Сцена была как другой мир, и каким бы ни был реальный мир, сцена давала невообразимое чувство удовлетворения, словно падение в облака. И хотя это было невозможно, Цюй Хайяо чувствовал, что в этот момент Жун И полностью его понимал.

А второе — он наконец понял, что эта песня на самом деле была подарком, подарком, о котором он раньше даже не смел мечтать, подарком, который Жун И сделал ему. Жун И ничего не говорил, возможно, даже сам не осознавал, с какими чувствами писал эту песню, но тот, кто пел, почувствовал, что Жун И радовался за него, и это была радость, исполненная в стиле Жун И. Он, словно со стороны, с холодным взглядом наблюдал за взлётами и падениями Цюй Хайяо за последние два года, но при этом старался стать им, почувствовать его сердце, его радость, его печаль.

Когда Жун И писал эту песню, он, должно быть, играл роль Цюй Хайяо в своей голове. И благодаря этому неожиданному подарку Цюй Хайяо смог увидеть, как он выглядит в глазах Жун И.

Слабый, но негибемый, сияющий и растущий, он понял, что, должно быть, был достаточно ярким, чтобы оставить след в глазах Жун И, чтобы Жун И захотел подарить ему немного — может быть, много — той нежной заботы, которую другие даже не могли представить. Цюй Хайяо не знал, можно ли назвать это «извлечь пользу из беды», но теперь, глядя на Жун И, он чувствовал, как в его сердце переполняет почти до краёв уверенность.

<http://bllate.org/book/16304/1471110>